ДОМ БАГРЯНОЙ ЛУНЫ

СТЁРТЫЕ ИМЕНА

Готический роман

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

МЕСТО ЗА СТОЛОМ

ГЛАВА 1

Седьмой прибор

Каждый вечер в доме Вейр накрывали на семь персон. Садились шестеро.

Элиана заметила это в третью ночь после своего приезда. Пустое место находилось между хозяйкой дома и высоким окном, за которым неподвижно висели багряные розы. Ноябрьский дождь стекал по стеклу снизу вверх. Внизу, среди оранжерей, кто-то исправлял течение воды, и иногда капли надолго останавливались, удерживая внутри крошечные перевёрнутые башни.

Слуга поставил перед пустым креслом бокал и провёл пальцами над ободком. Внутри возникло слабое свечение.

— Мы кого-то ждём? — спросила Элиана.

Адриан поднял глаза. Изольда не перестала разрезать серебряным ножом чёрную грушу. Только Мирелла, сидевшая напротив, накрыла ладонью свой бокал, словно боялась, что из него что-то вылетит.

— Старый порядок сервировки, — ответила хозяйка.

У Изольды были тёмно-рыжие волосы и лицо женщины, давно научившейся не торопить чужой страх. На груди поблёскивала брошь в форме розы. Элиана видела, как один из её серебряных шипов медленно втянулся в оправу.

— Тогда можно убрать прибор.

Нож остановился.

В доме стало тихо сразу на нескольких этажах. Прекратился дождь за окном. Из дальнего крыла донёсся единственный звук: будто кто-то ногтем коснулся обратной стороны зеркала.

— Оставьте, — сказала Изольда слуге.

Вечер продолжился. Люсьен рассказывал о мосте, который снова унесло половодьем, хотя вода в реке стояла низко. Адриан велел прислать смету. Старик Севериан слушал, не касаясь пищи. Его тень падала к свету, а не от света, и Элиана старательно смотрела на скатерть.

Она приехала восстанавливать семейную книгу. Три месяца назад, ещё в городе, она добровольно приняла ночную жизнь: хотела успеть изучить рассыпающиеся рукописи, которых не хватило бы и на несколько человеческих веков. Её мастер предупреждал о голоде, о солнце, о тягости долгой памяти. О пустых стульях он ничего не говорил.

После ужина Элиана задержалась. На дне седьмого бокала лежала серебряная пыль. Пылинки двигались, складываясь в очертание ладони.

Она поднесла бокал к окну.

В отражении за её плечом стоял незнакомый мужчина. Чёрные волосы касались воротника, на бархате тускло светились вышитые тернии. Он смотрел на пустое кресло с такой усталой сосредоточенностью, с какой голодный человек смотрит на закрытую дверь.

Элиана обернулась. Комната была пуста.

— Вы меня видите? — спросило стекло.

Она едва не выронила бокал.

Мужчина сделал движение, словно хотел подхватить его с другой стороны.

— Простите, — сказал он. — Я давно ни с кем не разговаривал первым.

ГЛАВА 2

То, что держит переплёт

Семейную книгу принесли в библиотеку на четырёх ремнях. Её застёжки были тёплыми. Когда Элиана положила ладонь на крышку, внутри что-то ответило редким, неторопливым ударом.

— Не сердце, — сказала Мирелла. — Так натягиваются нити.

Она стояла у стола, перевязывая волосы. Среди чёрных прядей белела одна серебряная. Всякий раз, когда женщина поворачивала голову, эта прядь оставалась на миг висеть в воздухе, точно свет не сразу вспоминал о тяжести.

Элиана раскрыла книгу. Родословная занимала сотни листов. Имена расходились от центрального корня; возле каждого сохранялись слабый цвет и запах: яблочный дым, нагретая медь, холодная вода. Память здесь была материалом, таким же настоящим, как кожа переплёта.

На некоторых местах бумага казалась непотревоженной, но шов обходил их дугой.

— Здесь что-то вырезали.

— Здесь что-то удерживают, — поправила Мирелла.

Элиана рассказала о мужчине в окне. Мирелла долго разглаживала край рукава, хотя складок на нём не было.

— Что он сказал о себе?

— Не успел. Я спросила имя, и он исчез.

За стеклом высокого шкафа захлопнулась книга.

Мирелла подошла к двери и заперла её обычным ключом. Этот простой звук почему-то напугал Элиану больше всех дворцовых чудес.

— Спрашивайте его о вещах, — сказала она. — О любимой музыке. О том, как он держал чашку. О комнате, где ему было хорошо. Имя пока не трогайте.

— Вы его знаете?

— Я умею замечать место, где должно находиться знание.

Она вынула из волос полумесяц и провела остриём над пустым участком страницы. В воздух поднялась серебряная нить. На её конце вспыхнула маленькая комната: окно, зелёное покрывало, полоска солнца на полу. Мирелла смотрела на неё почти нежно.

Потом комната погасла. На странице проступил контур двери.

— Чья это была спальня? — спросила Элиана.

Мирелла нахмурилась.

— Какая спальня?

Только тогда Элиана поняла, что произошло.

Чтобы узнать одно забытое, хранительница отдала одно своё.

Она машинально потянулась закрыть книгу. Переплёт не поддался. Нити держали листы открытыми, и под пальцами Элианы снова ударил их медленный пульс.

— Больше так не делайте, — сказала она.

— Иногда иначе не получается.

— Тогда сначала будем искать иначе.

Мирелла посмотрела на неё с неожиданной, почти сердитой надеждой.

В ту ночь они работали иглами, бумажными полосками и разведённым клеем. Без заклинаний. Когда часы пробили четыре, под старой наклейкой обнаружилось отверстие от ещё одной застёжки. Часть книги когда-то открывалась в

противоположную сторону.

Мирелла тихо засмеялась.

Элиана не спросила, сколько комнат стоила бы ей эта находка.

ГЛАВА 3

Человек на другой стороне

Он появился снова в зеркале музыкальной гостиной. Элиана специально пришла без лампы: при ярком свете его лицо становилось почти прозрачным.

— Я принесла вам кое-что, — сказала она и поставила перед стеклом заводную шкатулку.

Музыка была простая, городская. На третьей ноте механизм споткнулся; маленький вальс всякий раз возвращался к началу.

Незнакомец улыбнулся.

— Здесь сломан зубец.

— Я знаю. Мастер обещал исправить, но я привыкла.

— Тогда не надо исправлять.

Он опустился на пол по другую сторону зеркала. Там тоже была гостиная, только мебель стояла на потолке, а свечи горели вниз. Сам он сидел ровно, как будто держался за её взгляд.

Элиана села напротив.

— Вы помните музыку?

— Немного. Помню, что играл плохо и сердился, когда меня слушали. Теперь это кажется расточительством.

Его звали Ноэ. Он вспомнил это не по просьбе Элианы: имя само вернулось, когда заикающаяся шкатулка сыграла в седьмой раз. Сначала он произнёс один слог. На стекле выступил иней. Потом второй — и иней стал крыльями нескольких маленьких мотыльков.

— Ноэ, — повторила Элиана.

Мотыльки замерли. Мужчина закрыл глаза.

— Ещё раз. Если вам нетрудно.

Она повторила.

Он рассказал, что за зеркалами не бывает утра. Время там двигалось, когда снаружи вспоминали забытых: рука задерживалась над лишним прибором, садовник оставлял нетронутой старую грушу, кто-нибудь начинал песню и не мог найти продолжения. Из таких мгновений у него складывались дни. Иногда между двумя звуками проходили десятилетия.

— Вы один?

Ноэ посмотрел куда-то за её плечо, хотя видел, должно быть, другой зал.

— Нет. Но мы не всегда можем найти друг друга.

Он поднял ладонь. Элиана приложила свою к стеклу. Поверхность была холодной, однако там, где совпали линии рук, возникла тонкая живая дрожь.

Ноэ быстро отнял пальцы.

— Вы устали, — сказал он.

Элиана и правда внезапно забыла последний поворот коридора, которым пришла сюда.

— Я могу остаться.

— Сегодня достаточно.

Он попросил завести шкатулку ещё раз, прежде чем она уйдёт. Больше ничего.

Наутро Элиана нашла дорогу в гостиную по собственным карандашным отметкам. Возле зеркала стояла Изольда. Хозяйка смотрела на шкатулку; на лице её было выражение человека, услышавшего из соседней комнаты давно умерший смех.

— Где вы взяли эту мелодию? — спросила она.

ГЛАВА 4

Сад матери

Изольда повела её в зимний сад.

Розы росли прямо из каменных плит. В корнях двигался серебряный свет, залечивая трещины; на ветвях висели крошечные картины, похожие на капли. В одной женщина поднимала ребёнка, в другой двое мальчиков несли разбитую чашу. Изольда коснулась ближайшего цветка. Картина внутри лепестка поблекла.

— Дом плохо держится, — сказала она. — Четвёртую неделю приходится отдавать больше.

— Чего?

— Того, что умею.

Элиана поняла, почему хозяйка иногда смотрела на собственную брошь как на незнакомую вещь.

— В музыкальном зеркале живёт человек. Его зовут Ноэ.

Изольда пошатнулась. Багряные ветви мгновенно сомкнулись за её спиной, не дав упасть. Несколько роз раскрылись слишком широко, до чёрной сердцевины.

— Не произносите.

— Он просил произносить.

Хозяйка долго молчала. По её щеке двигалась капля, не похожая ни на слезу, ни на кровь. Элиана не стала разглядывать.

— У меня было трое сыновей, — наконец сказала Изольда. — Я помню число. Каждый вечер проверяю его пальцами. Потом смотрю на Адриана, на Люсьена и не понимаю, зачем проверяла.

Она раскрыла ладонь. Три ногтевых следа.

В каждом поколении договор выбирал одного наследника. Его имя уходило в основание дома, поддерживая бессмертие, целость стен и защиту долины. Остальные забывали его постепенно, будто вода смывала рисунок. Знали лишь главы рода и хранитель памяти; их воспоминания тоже приходилось выкупать заново.

— И вы согласились?

— Тогда треснули подземные своды. Внизу жили семьи работников. Севериан привёл меня туда. Я слышала детей за стеной, которую могла удержать ещё час. Может быть, два.

— А ваш сын?

— Он сказал, что вернётся.

Теперь Изольда заплакала по-настоящему. Розы не ловили этих слёз. Они падали на камень и оставались водой.

Элиана хотела обвинить её сразу во всём. Вместо этого увидела молодую женщину перед рушащимся сводом и древнего мужчину, объясняющего, что другого выхода нет. Жалость не сделала случившееся меньше.

— Он до сих пор ждёт, — сказала она.

Изольда сняла с ветки светящийся лепесток и протянула ей.

— Здесь я учу его завязывать шнурки. Он сердится. Не любит, когда помогают раньше, чем попросит.

— Если возьму, вы забудете?

Рука хозяйки дрогнула.

Элиана осторожно вернула лепесток на место.

— Сначала расскажите мне всё. Пока вы ещё помните.

ГЛАВА 5

Нить над рекой

Люсьен возвращался в дом перед рассветом. На его сапогах была белая пыль дороги, ведущей к мёртвому городу; в волосах застряла чужая серебряная нить.

Адриан ждал у дверей совета.

— Она снова просит открыть шлюзы?

— Она просит перестать забирать воду из её колодцев.

— В тех колодцах двести лет никто не живёт.

— Зато помнит.

Сарея, возлюбленная Люсьена, представляла город, чьи жители однажды исчезли из летописей Вейр. Их улицы сохранились в сумерках. Там ещё открывались окна, пахло выпечкой, женщины спорили о цене полотна, но всякий пришедший забывал дорогу обратно, если не привязывал к руке живую нить. Дворцовые корни проходили под городом. Зимой по ним текла особенно яркая память.

Элиана стояла у лестницы с переплётом под мышкой. Братья её не заметили.

— Я не могу ослабить защиту ради твоей свадьбы, — сказал Адриан.

— Можешь хотя бы прочитать её письмо.

— Я прочёл три.

— Четвёртое написали жильцы нижнего яруса. Они опять спят в сапогах, потому что боятся провала.

За плечом Адриана поднялась тень. Она была выше своего хозяина на целую голову и уже сидела на невидимом престоле. На запястьях правителя проступили серебряные петли.

— Осторожнее, — тихо произнёс он.

Люсьен посмотрел на петли, затем на брата. Гнев не исчез, но стал тяжелее.

Ночью Элиана нашла его на мосту. Сарея стояла рядом, тёмнокожая, прямая, с серебром в длинных косах. Они держались за руки, а под ними на воде соединялись две тени. Светлая нить проходила между пальцами и не стягивала их.

— Вы обручились? — спросила Элиана.

— Мы решили, где будем жить, — сказала Сарея. — Остальное пока обсуждаем.

Люсьен засмеялся, и смех этот впервые показался Элиане подходящим к его лицу.

Она рассказала о Ноэ.

На воде тень Люсьена отделилась от другой тени. Он согнулся, упираясь ладонями в ограждение.

— Я всегда знал, что на мосту нас было трое, — прошептал он. — Кто-то сбросил мой сапог. Адриан клялся, что не трогал.

Сарея удержала его за плечо. Через несколько мгновений он выпрямился и снял родовой перстень.

— Если нужно отказаться от дома, я откажусь.

— Погодите, — сказала Элиана. — Вы уйдёте. А он останется.

Нить на воде снова приблизилась к его тени. Сарея ничего не посоветовала. Просто осталась рядом, пока Люсьен надевал перстень обратно.

ГЛАВА 6

Семь капель

За три ночи до затмения семья собралась в подземной часовне. Здесь надгробия служили скамьями, но имена на них ещё читались. Элиане это показалось неожиданной роскошью.

Севериан стоял у каменной чаши. На вид ему можно было дать сорок пять; только глаза выдавали усталость, которой не хватило бы одного лица. Он помог Элиане переступить высокую ступеньку, и она удивилась тёплой, почти человеческой ладони.

— Старые дома требуют внимания, — сказал он. — Не сердитесь на нас за непорядок.

Ей хотелось ответить, что речь не о непорядке. Но все уже поднимали руки над чашей.

Из пальцев выступили багряные капли. Они не упали: составили круг, и внутри каждой вспыхнуло лицо. Под ногами присутствующих склонились тени.

В круге осталось пустое место.

Севериан посмотрел на Элиану.

— Род принял вас. Вы можете подтвердить это.

Мирелла резко повернулась. В её волосах шевельнулась серебряная прядь.

— Посвящение назначено на следующую луну.

— Дом слабеет раньше.

Изольда закрыла глаза. Элиана почувствовала, как серебро, спрятанное в камне, тянется к её ладони. Достаточно было протянуть руку — и появилось бы место, защита, покой. Ей больше не пришлось бы быть чужой за столом.

Она отступила.

— Я прочитаю условия.

— Вам прочтут.

— Я переплётчица. Привыкла читать сама.

Севериан опустил руки. Шесть капель превратились в россыпь искр и впитались в чашу. На стене лопнул небольшой шов. Пыль посыпалась на плечо Адриану; он даже не отряхнул её.

Элиана ожидала гнева, но основатель выглядел только печальным.

— Вы думаете, я не искал другого способа?

— Покажите, что вы искали.

Он долго смотрел на неё, затем достал чёрный конверт и передал Адриану.

— До окончания работ библиотеку следует запечатать.

Указ прошёл сквозь стену тёмной лентой. Где-то наверху начали захлопываться двери.

Элиана спрятала руки в рукава, чтобы никто не видел, как они дрожат.

Когда все вышли, она задержалась у надгробий. На ближайшем значилось: «Терен Вейр». Под именем кто-то когда-то оставил короткую строку, почти стёртую подошвами: «Вернуться — право давшего».

Элиана сняла с пальца каплю влаги и обвела буквы на камне. Серебряный свет не появился. Надпись ничего не отняла у неё. Это были обыкновенные слова, сохранённые достаточно глубоко.

Она запомнила их.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ОБРАТНАЯ СТОРОНА

ГЛАВА 7

Урожай росы

Запечатанная библиотека не пропускала никого из рода. Элиана обнаружила это, когда дверь вежливо вернула ей ладонь. Дерево было мягким, тёплым и непреклонным.

— Через прачечную, — сказал человек за её спиной.

Это был Март, фамильный мастер. Он чинил всё, что придворные замечали лишь в момент поломки: застёжки, печи, медные суставы ворот. В карманах его жилета шуршали маленькие серебряные птицы. Когда требовался тонкий шов, они уносили нить туда, куда не проходила игла.

— Прачечная выходит к корням. Приказ закрывает двери. Корни в приказе не названы.

Внизу оказалось тепло. Люди работали у светящихся жил, пропущенных через камень. Никакого торжественного пения; только стук инструментов, голоса и пар от мокрых рукавиц. Девушка на лестнице удерживала разошедшийся серебряный канал, пока пожилой мужчина менял под ним опору.

— Это магия дома? — спросила Элиана.

— Это ночная смена, — ответил Март.

Он отвёл её к оранжерее. Садовница Нера раздвинула белые лепестки над старой чашей. Между ними висели несколько багряных кристаллов, каждый меньше чечевичного зерна.

Элиана ощутила голод так резко, что отступила к стене. Её тень распалась и поднялась на четырёх лапах. Из серебряных швов пола выступил тонкий звон.

Нера не отшатнулась. Поставила на край стола блюдце.

— Вам хватит одного. Сначала сядьте.

Элиана села, прижала руки к коленям. Тень тянулась к работающим людям, и от стыда голод делался только страшнее. Тогда она посмотрела на неё. Внутри прозрачной звериной груди дрожал тот же испуг, что в её собственной.

— Я вижу, — прошептала она. — Сейчас.

Тень опустила голову. Элиана взяла кристалл. Он растаял во рту холодной сладостью, оставив запах дождя на яблоневых листьях.

— Роса, — сказала Нера. — Цветок собирает ночную силу. Мы научились сгущать её. Но почти всё уходит наверх, прежде чем успевает созреть.

По потолку проходил толстый багряный корень. Он мерно втягивал сияние оранжереи. На его поверхности проступали лица, слишком быстро, чтобы различить хотя бы одно.

— Зачем наверху держат такой запас?

Март пожал плечами.

— Нас спрашивают, выдержит ли труба. На что тратят — не спрашивают.

У самой земли один корешок был перерезан. На короткой свободной ветви раскрылись три белых цветка.

— Это ваш опыт?

— Это мышь, — ответила Нера. — Мы только не стали сразу заделывать.

Элиана опустилась рядом. На лепестке дрожала капля. Её отражение было обычным: уставшая женщина на корточках, с пятном земли на подбородке. Капля питала цветок и ничего не забывала.

ГЛАВА 8

Украденная ночь

К Ноэ она пришла с землёй на подоле и тремя листами записей. Говорила быстро, забывая, что он не знает Неру, не видел нынешней оранжереи и давно перестал представлять расстояние между садом и библиотекой.

— Простите. Я всё начинаю с середины.

— Мне нравится середина, — сказал он. — В ней люди уже заняты чем-то, кроме своего несчастья.

Она рассказала сначала. Потом спросила о Терене.

За зеркалом потемнело. Ноэ оглянулся, прислушиваясь.

— Он живёт у самой глубины. Если слово «живёт» годится. Остальные стараются не ходить туда: там почти нет чужих воспоминаний, на которых можно стоять.

— Вы сможете с ним поговорить?

— Попытаюсь. А вы не касайтесь сегодня стекла.

Элиана кивнула. Она уже поняла, как легко приятная дрожь под ладонью становилась потерей. Поэтому они сидели на расстоянии, разговаривали о смешных вещах и слушали шкатулку. Ноэ рассказал, что терпеть не мог груши, особенно чёрные, дворцовые. Элиана впервые представила его за семейным ужином: он отворачивался бы от блюда, Изольда замечала бы это и делала вид, что нет.

На следующий вечер Элиана не пришла.

Она проснулась в собственной комнате с чувством выполненной работы. На столе лежали инструменты. Ей казалось, что заказ почти окончен и можно собираться домой.

На подоконнике стояла шкатулка. Элиана удивилась, зачем брала с собой эту сломанную вещь. В дорожном

мешке обнаружилась записка её рукой: «Когда покажется, что всё закончено, проверь седьмое место».

Она перечитала строку. Почерк был несомненно её. Бумага пахла оранжереей.

Мирелла пришла через час. Увидев чисто убранный стол, она остановилась.

— О чём вы думаете?

— Что мне пора уезжать.

Хранительница подняла зеркало со стены. На его обороте блестела свежая царапина, а в щели застряла чёрная восковая чешуйка.

— Вы ночью спали?

Элиана почувствовала холод. Она ничего не помнила о прошедшей ночи, но прежде не замечала этого отсутствия.

В чёрном воске хранилось отражение руки с перстнем Севериана. Не сам основатель — посланная им тень. Мирелла поднесла к воску полумесяц, и из него вырвалась крошечная серебряная комната. Ноэ сидел у стекла, ожидая.

Элиана схватилась за край стола.

— Можно вернуть?

— Воск пуст. Это след.

Мирелла хотела коснуться её виска, но остановилась сама.

Вместо заклинания она принесла записи. Они читали их вслух, пока чужая поначалу история не стала снова близкой. Полностью украденная ночь не вернулась. У Элианы осталась неровная пустота, и она училась обходить её, не называя исцелением.

В гостиную она вошла перед самым рассветом. Ноэ поднялся ей навстречу.

— Я не забыла вас по своей воле, — сказала она.

— Я знаю.

— Откуда?

Он показал на шкатулку в её руке.

Элиана завела её. Третья нота по-прежнему не получалась.

ГЛАВА 9

Последняя свеча

Севериан не отрицал приказа.

— Я хотел дать вам возможность уехать, — сказал он.

— Вы могли предложить.

— Вы бы отказались.

Они стояли в галерее предков. На портрете над ними основатель принимал сияющую чашу из рук женщины с лунным лицом. Внизу преклоняли колени благодарные люди. Художник оставил на лице Севериана выражение благородной скорби.

— Вы очень заботились о моём согласии, пока оно ничего не меняло, — сказала Элиана.

Старик посмотрел на портрет, потом протянул руку к чёрному шнуру. Шёлковый покров, скрывавший нижнюю часть полотна, соскользнул.

Краска задвигалась. Люди на картине не благодарили: они ютились у запертых ворот. За их спинами горел город. Рядом с молодым Севериан стоял другой мужчина, похожий на него, но с мягким ртом и беспорядочно застёгнутым воротником.

Терен.

— Мой брат согласился удержать переход до рассвета, — сказал Севериан. — Мы уводили людей от огня. Луна предложила убежище вне времени. Один должен был остаться у створки.

— До рассвета.

— Да.

Основатель снял со стены свечу. Пламя развернулось в прозрачную лестницу, уходящую вниз. Он предложил

Элиане идти следом.

В глубине крипты лежала первая запись договора. Не книга: две тонкие пластины чёрного стекла, сложенные лицом друг к другу. На верхней блестели обещания защиты. На нижней серебрилась строка, знакомая по надгробию: «Вернуться — право давшего. Получивший возвращает взятое».

— Когда опасность прошла, я понял, что убежище можно сохранить, — сказал Севериан. — Здесь не умирали от старости. Река не замерзала. Детей удалось вытащить из лихорадки. Надо было только не отпускать створку.

— И вы оставили его.

Севериан кивнул.

— Сначала на день. Потом на зиму.

Свеча дрожала. В её пламени возникла женщина, которая когда-то спускалась по этим ступеням. Она оглянулась на старика с укором столь повседневным, что Элиане стало больнее, чем от торжественной картины.

Позднее одного имени перестало хватать. Изъятое воспоминание должно было оставаться неподвижным, а жизнь снаружи росла, менялась, требовала всё больше. Севериан превратил временное поручение в наследственный обряд. Построил престол, чтобы передавать обязанность. Вырастил корни, чтобы направлять силу. Научил дом забывать тех, кого удерживал.

— Если отпустить их сейчас, придётся вернуть годы, — сказал он. — Не только мои. Защиту долины. Силу, которую мы привыкли считать своей.

— Можно вернуть постепенно?

— Не знаю.

Это были первые слова, которым Элиана поверила без усилия.

Она попросила показать оборот второй пластины. Севериан не пошевелился.

— Вы всё ещё хотите решать, какую часть мне позволено знать?

Он перевернул стекло.

Там находились две ладони, оттиснутые в серебре. Одна подписывала, другая держала дверь. Под ними шла последняя строка: «Отказавшись от дара, получивший более не вправе удерживать давшего».

ГЛАВА 10

Неправильный вальс

До затмения оставалась одна ночь.

Элиана принесла Ноэ копию договора и прочла её трижды. На словах об отказе от дара зеркало делалось тоньше. За его плечом проступили другие люди: женщина в платье с высоким воротником, юноша с обожжённой рукавицей, мужчина, прижимавший к груди закрытую книгу.

— Они слышат? — спросила она.

— Да. Но боятся отвечать. Мы уже слышали, что нас возвращают.

Элиана опустила листы. Прежде она думала, что самое трудное — найти дверь. Теперь увидела, сколько обещаний лежало перед дверью и мешало подойти.

Ноэ показал ей крошечный осколок. В нём отражалось его лицо, чёткое и спокойное.

— Терен передал. Говорит, останется у створки, если мы решим выходить. В этот раз он сам выберет, когда отпустить.

В голосе Ноэ слышалась злость. Он долго скрывал её за вежливостью, и Элиана была рада, что больше не нужно.

— Я не хочу возвращаться, чтобы сразу простить, — сказал он.

— Не надо.

— Мать будет плакать.

— Наверное.

Он посмотрел на неё.

— Вы не очень утешаете.

— Я плохо знаю вашу мать. И совсем не знаю, каково вам.

Ноэ улыбнулся. В зеркальной комнате медленно опустилось с потолка кресло. Впервые оно встало на пол.

Они замолчали. Шкатулка играла свой неудающийся вальс. Элиана сидела, подобрав край платья, и чувствовала бессмысленное желание поправить прядь у его виска. Совсем маленькое желание на фоне того, что предстояло сделать. Именно поэтому она не могла с ним справиться.

— Вы танцевали под это? — спросил Ноэ.

— Никогда. Тут некуда ставить третью ногу.

Он рассмеялся. Потом встал и поклонился с такой старомодной серьёзностью, что она поднялась тоже.

Они танцевали по разные стороны стекла, не касаясь его. На сломанной ноте каждый делал паузу. Ноэ один раз сбился и наступил на собственную тень; Элиана задела стул. Они оба смеялись, и несколько людей в глубине зеркала подошли ближе.

Когда музыка кончилась, он сказал:

— Если я выйду, это не будет платой за вашу любовь.

— Я знаю.

— И вы можете не любить того, кто окажется снаружи.

Она посмотрела на его руки, на тёмные тернии у воротника, на усталые глаза.

— Могу. Но я хотела бы с ним познакомиться.

Он долго не отвечал. Затем приложил осколок к зеркалу со своей стороны. Элиана увидела, что на его ладони серебрится тонкая звезда.

Она положила руку напротив, оставив между кожей и стеклом ширину волоса.

Так они и стояли, почти касаясь, пока шкатулка медленно не остановилась.

ГЛАВА 11

Совет за чёрной дверью

Адриан созвал совет в полночь. Впервые к столу принесли стулья из мастерских.

Нера села, не снимая рабочего передника. Март поставил возле себя сумку с инструментами. Сарея разложила на столе маленький город из тумана: в прозрачных окнах шевелились жители. Изольда смотрела на них так, словно прежде считала эти окна орнаментом.

Элиана положила перед советом копию договора.

— Если каждый откажется от удерживаемого дара, зеркала можно открыть.

— А своды? — спросил Адриан.

Март поднял три пальца.

— Северный выдержит. Под кухней подопрём. Главный зал стоит на узле, его без разборки не спасти.

— Мы потеряем главный зал?

— Возможно, весь верхний дворец.

Чей-то бокал негромко звякнул о стол.

Нера рассказала о свободной ветви роз. Возобновляемой силы хватало на питание и небольшие защитные круги. Они с Мартом уже отключили пустующую башню: нижние комнаты не обрушились, только стали холоднее. Если разомкнуть старые корни, поток можно пустить по нескольким малым контурам. Но до рассвета требовалось вывести людей из опасной части дома.

— Мы не пробовали этого в таком размере, — добавила она. — Обещать больше не стану.

Совет заговорил сразу весь. Одни требовали ждать, другие — найти другого хранителя створки. Слово «жертва»

никто не произносил. Говорили о должности, о долге, о единственном необходимом исключении.

Элиана увидела, как к пустому седьмому креслу протянулись серебряные нити.

Люсьен снял перстень и положил его на стол.

— Не предлагайте моему брату снова подержать дверь.

— Ты отказываешься от своих обязанностей? — спросил Адриан.

— От венца — да. От работы — нет. Март, сколько людей тебе нужно?

Мастер назвал число. Люсьен кивнул и остался сидеть.

Тень Адриана выросла до потолка. Она шептала голосами всех прежних правителей, и Элиана различала отдельные слова: «утрата», «слабость», «непростительно». Он сжал запястья, на которых уже выступили тонкие тёмные полосы.

— Если дом рухнет, это будет моё решение, — сказал он.

Нера подняла голову.

— Мы здесь затем и сидим, чтобы оно не было только вашим.

Адриан посмотрел на неё. Потом медленно разжал пальцы.

Голосование заняло больше часа. О несогласных записали отдельно: кого следовало эвакуировать, кому сохранить имущество, кому предоставить путь из долины. Никто не получил права оставить вместо себя чужое имя.

Изольда подписала последней. Чернила дрогнули на букве, но удержались.

За дверью ждал Севериан.

Он не спросил, что решили. Посмотрел на лица выходящих и отошёл, пропуская людей с картами

переходов.

ГЛАВА 12

Цена согласия

Изольда нашла Ноэ в маленьком зеркале, которое раньше висело в детской. Для неё это было смутное воспоминание о помещении, где всегда чего-то не хватало. Теперь в стекле появились потёртый подоконник и деревянный конь с обломанной ногой.

Ноэ стоял у окна. Когда мать вошла, он не приблизился.

— Я оставляла прибор, — сказала она.

Он кивнул.

— Я видел.

Ей хотелось рассказать о розах, о потерянных воспоминаниях, о годах, когда она просыпалась с руками, сложенными вокруг отсутствующего ребёнка. Всё это было правдой. Всё могло прозвучать просьбой утешить её.

— Я должна была спросить, чего хочешь ты, — сказала Изольда. — И должна была искать дольше.

— Я говорил, что хочу вернуться.

— Знаю.

Впервые ей не пришлось добавлять оправдание. От этого стало почти нечем дышать.

— Я не знаю, смогу ли жить здесь, — сказал Ноэ.

— Тебе приготовят комнату. Если захочешь. Или дадут всё необходимое для дороги.

Он смотрел на неё, проверяя слова. Серебряные мотыльки медленно садились ему на плечи.

— И не будешь спрашивать каждую ночь, когда я прощу?

Изольда покачала головой.

Она принесла деревянного коня, найденного Мирелой за двойной стенкой шкафа. Поставила перед зеркалом, не

пытаясь протолкнуть через стекло. Ноэ долго смотрел на отломанную ногу.

— Это я сломал, — сказал он наконец. — Ты думала на Люсьена.

Изольда засмеялась и тут же зажала рот ладонью. Слишком много боли оказалось рядом с такой маленькой смешной правдой.

В другом конце дома Адриан вошёл в пустой тронный зал. Тень уже сидела на престоле и смотрела вниз его собственными глазами.

Он не приказал ей встать.

— Я боюсь, — сказал он.

Тень наклонила голову.

— Боюсь, что без этого места стану никем. Боюсь ошибиться. И ещё боюсь, что другие справятся без меня.

Последние слова он выговорил с трудом. Серебряные петли на руках ослабли. Тень спустилась на одну ступеньку.

Адриан протянул ей ладонь. Прикосновение было холодным и совершенно своим. Впервые за многие годы он почувствовал вес собственного тела без веса всех предшественников.

Когда он вышел к работникам, тень шла за ним в обычный человеческий рост.

У нижних ворот Нера уже спорила с Люсьеном о расположении подпорок. Адриан хотел поправить их обоих, но сначала попросил показать чертёж.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ОТКРЫТЫЕ ДВЕРИ

ГЛАВА 13

Смерть бессмертного

Севериан пришёл в часовню без церемониальной цепи. Изольда сперва не узнала его шагов: он никогда прежде не ходил так медленно.

На каменном ложе лежал раскрытый договор. Нижняя пластина потемнела, верхняя светилась всё ярче. Затмение приближалось, и старый порядок готовился выбрать новое имя.

— Я могу занять место брата, — сказал Севериан.

Мирелла подняла голову.

— Вы ещё надеетесь сохранить договор?

— Я надеюсь заплатить сам.

— Вы уже платите, отказываясь от того, что получили. Новый пленник ничего не исправит.

Он усмехнулся без веселья.

— Вы очень похожи на вашу мать.

Мирелла не помнила лица матери. Элиана увидела, как это привычное отсутствие снова её ранило. Севериан тоже увидел.

Он снял перстень.

Маленький камень оказался сердцем всей системы. Внутри него неподвижно стояли луны, когда-то отражённые над долиной: сотни лун, тысячи, наложенные друг на друга. Ночи, которые получили продолжение ценой чужой остановленной жизни.

— Если я отпущу, — сказал он, — старое время вернётся к своему течению. Оно не должно обрушиться на всех разом. Но на мне первая печать. Я не уверен, что от меня останется что-либо без неё.

Изольда подошла ближе. Она была обязана ему собственным спасением, жизнью сыновей, теплом дома. Она же провела годы, оплачивая последствия его решения. Ничто из этого больше не хотело умещаться в одно чувство.

— Вам страшно? — спросила она.

— Очень.

Он положил перстень на ладонь, оттиснутую в договоре. Серебро потекло навстречу.

— Я отказываюсь от права удерживать Терена, — произнёс Севериан. — И от дара, полученного его удержанием.

Договор потребовал имени. Он назвал своё полностью. Потребовал подписи. Он прижал ладонь. Потребовал не оправдания, а освобождения — и старик разжал пальцы.

В стене часовни открылась узкая дверь. За ней стоял Терен с той самой неровно застёгнутой рубашкой.

Братья смотрели друг на друга. Ни один не двигался.

— Я опоздал, — сказал Севериан.

— Да.

Терен не протянул руки. Севериан принял и это.

По его рукавам пошёл серый свет. Тело становилось прозрачным, а тяжёлый плащ всё сильнее тянул вниз. Изольда подхватила ткань, но не смогла удержать то, что уходило сквозь неё. Несколько чёрных бабочек поднялись от пустого воротника.

На каменном ложе остался перстень с потухшим рубином. Из щели возле него выросла белая роза.

Терен смотрел на неё долго. Потом сказал:

— Теперь остальные.

И повернулся обратно к створке.

ГЛАВА 14

Дом падает вверх

Сначала исчез звук часов.

Все механизмы дворца остановились одновременно. Тишина оказалась такой огромной, что в ней стало слышно, как по корням отступает сила.

Потом главная башня поднялась над основанием на ширину ладони.

Элиана видела её из нижнего двора. Камни повисли, ещё сохраняя форму стены. Между ними горели красные щели. Из глубины фундамента вырвались корни, похожие на деревья, которые слишком долго росли без воздуха.

— К мосту! — крикнул Март.

Верхний дворец разваливался медленно и неправильно: своды уходили вверх, лестницы поворачивались боком, дождь из зеркальных осколков останавливался на полпути к земле. В каждом осколке была другая ночь. Где-то ещё танцевали, где-то выносили больного, где-то женщина сидела над письмом, которое не решалась отправить.

Элиана несла две пластины договора, обёрнутые полотном. Они становились тяжелее с каждым шагом. Мирелла шла рядом, удерживая перед ними серебряную линию дороги. За каждую сажень линия требовала воспоминания.

— Нет, — сказала Элиана, увидев, как в волосах хранительницы ширится белая полоса.

— Мост уходит.

— Март!

Мастер обернулся. Понял сразу и выпустил из кармана птиц. Они подхватили серебряную нить, протянули её вдоль

уцелевших перил. Магический путь опустился на обычную каменную опору. Мирелла пошатнулась; Элиана придержала её под локоть.

— Вы можете идти?

— Да. Только скажите потом, откуда у меня этот шрам.

На её запястье белела тонкая старая отметина. Элиана пообещала узнать.

У западной арки застряла повозка с людьми из нижнего яруса. Адриан снял плащ и распустил швы. Серебряная вышивка полетела к колёсам, укрепляя ось. Пока повозку вытаскивали, он стоял в простой рубашке, непривычно узкий без тяжёлой ткани.

Люсьен хотел вернуться за семейными портретами. Сарея схватила его за рукав.

— Там кто-нибудь остался?

Он прислушался. Сквозь грохот донёсся слабый стук из зеркальной галереи.

Ноэ.

Элиана передала договор Мирелле и побежала.

В галерее не было пола. Между порогом и зеркалом держалась одна полоса паркета. Из стекла к ней тянулась тёмная рука: тень Ноэ, выбравшаяся раньше него. В пальцах у неё блестел осколок с его лицом.

— Не подходите! — крикнул он.

Элиана остановилась. Ей очень хотелось не послушаться, сделать отчаянный красивый шаг. Вместо этого она сняла пояс, привязала к нему тяжёлую застёжку и бросила к зеркалу.

Тень поймала застёжку. Полоса паркета треснула.

Ноэ передал осколок своей тени, та — на пояс. Элиана потянула. Зеркало застонало, но удержало пленника. Для

выхода ещё не хватало отказа остальных получателей дара.

— Я перенесу вас, — сказала она, зажимая осколок в ладони. — Держитесь за это отражение.

Она увидела, как его лицо становится маленьким и ясным в серебряном треугольнике. Большое зеркало потемнело.

Элиана успела отступить за порог, когда пол ушёл вверх. Сарея встретила её на лестнице, перехватила за плечи и повела к мосту.

Над ними расцветал багряный свет. Дворец разрушался так величественно, что потом о нём наверняка написали бы прекрасные стихи.

Элиана запомнила прежде всего тяжесть чужой руки, помогавшей ей переставлять ноги.

ГЛАВА 15

Чёрное солнце

Договор положили на стол садовников. Под ножку подложили обломок кирпича, чтобы стол не качался.

Вокруг оранжереи стояли спасённые. Кто-то держал мокрое одеяло, кто-то клетку с перепуганными птицами. Никто не выглядел как свидетель торжественного рождения новой эпохи. Люди хотели знать, где можно сесть и надолго ли хватит тепла.

Нера пустила свет по свободным ветвям. В четырёх углах оранжереи загорелись небольшие защитные круги. За ними падали камни; внутри медленно высыхала одежда.

Изольда, Адриан, Люсьен и Мирелла встали у стола. Договор узнавал их родовые печати. Его получили и продлевали главы четырёх ветвей; работники долины пользовались защитой, но никогда не имели права распоряжаться источником.

Теперь такое право заканчивалось.

Изольда положила на стекло брошь. Мирелла — полумесяц. Адриан принёс ключ от престола, Люсьен — перстень. Их тени подошли к столу с другой стороны.

Отказ нельзя было произнести за другого. Каждый называл свой дар и соглашался отдать его. Изольда — неподвижность возраста и власть крови. Адриан — неоспоримое повиновение дома. Мирелла — доступ к чужой памяти без разрешения. Люсьен — защиту родового имени, где бы он ни находился.

На слове «отказываюсь» у каждого останавливался голос.

Договор показывал утраченное. Изольда видела свои руки постаревшими. Адриан — двери, которые могли не открыться перед ним. Мирелла — книгу, смысла которой не знала. Люсьен — дорогу без возвращающей нити.

Они повторяли слова, уже видя цену.

Элиана держала осколок Ноэ над пустым местом на нижней пластине. Серебряные ладони наконец разомкнулись. В глубине открылась створка; Терен упёрся плечом в её край.

— Теперь вы можете звать, — сказал он.

Мирелла начала читать имена. Те, которые сумела восстановить. Каждое становилось мотыльком и летело к створке. Но в списке оставались пустоты, и перед ними хранительница сбивалась.

Тогда Изольда рассказала о мальчике, который ненавидел груши. Люсьен — о сапоге, упавшем в реку. Адриан вспомнил, как кто-то держал ему лампу, когда он впервые чинил сломанный замок. Не героические деяния, не титулы. Мелочи, по которым живого узнают среди множества похожих.

Люди вокруг стали отвечать. У кого-то вернулась незаконченная песня. Кто-то назвал сестру, хотя минуту назад был уверен, что рос один. Имена звучали неровно, порой с ошибками; вышедшие из тьмы поправляли произношение сами.

Над разрушенным дворцом луна полностью закрыла солнце.

В оранжерею вошёл золотой свет. Он не жёг. Проходил сквозь кожу, и тени на полу становились светлыми, словно каждому ненадолго позволили увидеть собственную жизнь без страха.

Элиана разжала ладонь.

Ноэ стоял перед ней.

Он был выше, чем казался в зеркале, и дышал тяжело, будто только что долго бежал. На рукаве у него лежал маленький настоящий кусочек стекла.

Элиана сняла его двумя пальцами.

— Можно? — спросила она, касаясь края его ладони.

Ноэ кивнул.

Его рука оказалась холодной. Обыкновенно холодной. От прикосновения ничего не исчезло.

ГЛАВА 16

Возвращённые

Терен вышел последним. Он отпустил створку, и она не захлопнулась: рассыпалась серебряной пылью. Договор превратился в два прозрачных стекла, на которых больше не проступало ничего, кроме отпечатков пальцев.

Никто не знал, что делать дальше.

Женщина в старинном высоком воротнике спросила о муже. Ей пришлось сказать, что он умер сто восемьдесят лет назад. Юноша с обожжённой рукавицей сел на землю и отказался вставать. Он ожидал, что его встретят дети. Встретила незнакомая праправнучка, которая была старше него на вид.

Нера принесла воду. Март достал из повозки скамьи. Сарея записывала просьбы, чтобы ничего не потерялось в шуме. У освобождения оказались грязные подолы, жажда, дрожь и необходимость повторять одно и то же несколько раз.

Ноэ стоял возле Элианы, пока к нему не подошла Изольда.

Он отпустил руку Элианы сам.

Мать остановилась на расстоянии шага. Теперь между ними не было стекла, но привычное расстояние сохранилось.

— Я помню, — сказала она. — Не всё. Но помню тебя.

Ноэ смотрел на её брошь. На месте чёрной розы осталась простая пустая застёжка.

— Мне нужна комната с окном наружу, — произнёс он. — Без зеркал. И дверь, которую я смогу закрывать.

Изольда кивнула.

Она не попросила обнять её. Через несколько секунд он сам взял её за руку, ненадолго, двумя пальцами, как берут руку человека, которому пока не умеют доверять полностью.

Мирелла считала вышедших и сверяла с родословной. Оказалось, что нескольких имён не было ни в одной записи. Их не требовалось доказывать. Им дали чистые листы, и каждый рассказал о себе столько, сколько захотел.

У Элианы спросили, где поселить Терена. Она нашла его у белой розы, которую Изольда принесла из часовни вместе с потухшим перстнем.

— Вы хотите похоронить брата? — спросила она.

— Хочу сначала побыть один.

Она оставила его и велела не ставить рядом новых скамей.

После затмения вернулась опасность прямого солнца. Над оранжереей натянули плотный парус. Золотое чудо длилось несколько минут; обычной осторожности предстояло учиться заново вместе со всем остальным.

К вечеру обнаружились первые изменения. Адриан порезал палец, и кожа затянулась медленнее прежнего. В волосах Изольды появилась седая нить. Никто не знал, сколько лет теперь отмерено каждому. Время больше не стояло за них на месте.

Элиана нашла Ноэ в маленькой комнате над мастерской. Он смотрел на лежащий у порога солнечный прямоугольник.

— Чего вы хотите? — спросила она.

Он помолчал.

— Завтра.

Она села рядом. Это было первое будущее, которое он назвал без сомнения.

ГЛАВА 17

Опись утраченного

В первую неделю после падения дворца все были заняты, и потому многим казалось, что они держатся хорошо.

Во вторую начали ссориться.

Адриан хотел восстановить западный фасад: его уцелевшие стены могли защитить новые помещения от ветра. Нера требовала сначала закончить оранжерею. Люсьен собирался уехать с Сареей и сердился, когда его просили задержаться. Изольда несколько раз пыталась распорядиться чужим вечером, а потом долго стояла в одиночестве, замечая, что приказ больше не действует сам собой.

Ноэ не пришёл к общей трапезе.

Он прислал записку: «Сегодня хочу поесть у себя». Изольда перечитала её трижды и передала слуге тарелку без добавленных вопросов. Весь вечер пустое кресло казалось ей угрозой. Потом она поняла, что впервые знает, где находится сын.

Мирелла составляла опись потерь. Столы в мастерской были покрыты тканью. На ней лежали часы без циферблата, обугленный корешок атласа, половина портрета, на котором уцелела только рука с веером. Пустые места иногда светились очертаниями утраченных вещей. Когда их описывали, свет понемногу гас.

— Неужели всё надо назвать? — спросила Элиана.

— Хотя бы для того, чтобы перестать искать там, где уже ничего нет.

Мирелла призналась, что не помнит голоса матери. Оказалось, Изольда тоже не помнила. Раньше каждая

думала, что память сохранилась у другой, и не спрашивала, боясь услышать ответ.

Элиана записала: «Голос матери Изольды и Мирелы. Свидетельства пока не найдены».

Не «утрачен навсегда». Не «обязательно вернётся».

Через несколько дней Терен принёс старую песню. Он не знал, пела ли её их мать, но помнил, как её напевали на кухне. Сёстры слушали. Изольда плакала, Мирелла записывала ноты. Ни одна не притворялась, что песня вернула всё.

Когда закончились деньги на жильё для нижнего яруса, Изольда сняла последний рубин с кольца. В нём ещё сохранялась энергия, собранная задолго до освобождения. Она отнесла камень Нере.

— Здесь хватит на две печи, — сказала садовница. — На большой камин в новом зале не хватит.

— Делайте печи.

Рубин распался на тонкие лучи. Они прошли сквозь стены двух небольших домов, и из труб поднялся дым.

Изольда смотрела на пустую оправу. Потом попросила Марта не вставлять туда новый камень. Мастер сгладил острые края, чтобы кольцо не цеплялось за ткань.

Новый совет собирался каждую пятую ночь. Протокол оставляли у двери, где его мог прочитать любой. Люди продолжали спорить. Иногда принимали плохие решения, замечали это и переделывали.

Дом рос медленно, с неровными стенами и большим количеством исправлений на чертежах.

ГЛАВА 18

Часовня без долга

К весне в старой часовне снова появилась крыша.

Её строили все, кто хотел, и никто не был обязан приходить ради прощения предков. Терен выбрал балки. Ноэ работал с Мартом, учился чинить дверные петли и раздражался, когда они скрипели после часа стараний. Люсьен приезжал из города Сареи на несколько ночей; привозил стекло, возвращал инструменты не всегда вовремя и каждый раз спорил с Адрианом о мосте.

Мост наконец починили так, что он перестал пропадать при низкой воде.

У входа в часовню укрепили две прозрачные пластины бывшего договора. Между ними оставили просвет. Через него было видно сад, и дети работников любили смотреть, как меняется цвет листьев за старым стеклом.

Мирелла устроила рядом открытый архив. Часть книг разрешалось трогать только в перчатках, но это объяснялось хрупкостью бумаги, а не принадлежностью читателя к роду.

Элиана закончила переплёт родословной в тихую ночь, когда впервые за много месяцев пошёл обыкновенный дождь. Вода стекала сверху вниз. Дом не пытался исправить её направление.

Последние страницы она оставила пустыми. Шов больше не обходил их дугой.

Ноэ пришёл за час до рассвета с шкатулкой в руках.

— Март показал мне, как менять колесо, — сказал он. — Но я решил сначала спросить.

Элиана провела пальцем по потёртой крышке.

— Ты хочешь услышать, что там дальше?

Они не заметили, когда стали говорить друг другу «ты». Это случилось между какой-то прогулкой и спором о том, где поставить лампу. От этого маленького незапомнившегося перехода Элиане иногда делалось теплее, чем от их первого прикосновения.

— Хочу, — ответил Ноэ. — А ты?

Она кивнула.

Он завёл механизм. Вальс дошёл до сломанного прежде места, задержался на едва различимый миг и продолжился.

Мелодия оказалась не особенно хороша. Чуть слишком сладкая, с торжественным поворотом, которого оба не ожидали. Элиана рассмеялась. Ноэ сперва огорчился, затем засмеялся тоже.

— Мы воображали лучше, — сказал он.

— Зато теперь можно танцевать.

Он протянул руку.

В мастерской было мало места. Пришлось отодвинуть стул и закрыть ящик с иглами. Ноэ наступил ей на подол, Элиана поправила его ладонь у себя на спине. Он приблизился не сразу, оставляя ей возможность отстраниться.

Когда она поцеловала его, за окнами не изменилось течение дождя. Никакая печать не замкнулась вокруг запястий. Только маленький серебряный мотылёк, залетевший из сада, опустился на крышку шкатулки.

Позже они сидели у окна. Ноэ рассказал, что хочет на лето уехать с Тереном к морю. Он никогда его не видел — только чужие воспоминания о нём.

Элиана почувствовала короткий страх. Он возник прежде радости, и ей было неловко признать это.

— Я буду скучать, — сказала она.

— Я тоже.

Он не предложил остаться ради её спокойствия. Она не попросила.

Они стали обсуждать дорогу, письма и то, как упаковать шкатулку, чтобы не сломать новое колесо.

ЭПИЛОГ

Дом для грядущих

Первую карту Элиана нарисовала на обрезке переплётного картона. На ней стояло пустое кресло.

Ноэ увидел рисунок перед отъездом и долго молчал. Потом попросил оставить вокруг кресла больше места: чтобы было понятно, что от него можно встать.

Другую карту принесла Нера. Над белыми цветами поднимались багряные кристаллы росы. Она потребовала изобразить ещё и садовые ножницы, потому что без ухода

её чудо погибло бы через месяц.

Адриан не хотел, чтобы на его карте был венец. Изольда попросила оставить пустое кольцо. Мирелла настаивала, чтобы у зеркала открытого пути не было нарисовано готового конца дороги.

Постепенно сложилось семьдесят восемь изображений. Большие перемены соседствовали с ужином, работой, ревностью, починенной дверью. На каждой появилось имя — такое, которое можно произнести вслух, не боясь отнять его у живого.

Колоду хранили в открытом шкафу. Иногда её брали, чтобы подумать. Иногда — чтобы рассказать ребёнку историю семьи. Терен однажды разложил карты и не стал ничего спрашивать: ему было достаточно видеть, сколько разных жизней поместилось на столе.

Летом у ворот появилась женщина с маленьким ребёнком и дорожным мешком. Она спросила, сколько нужно заплатить за ночь.

Изольда провела её к свободной комнате. Постель была застелена, окно открывалось в сад, на внутренней стороне двери висел ключ.

— Сегодня ничего, — сказала она. — Завтра поговорите с управляющей. Если захотите остаться, найдём работу по вашим силам.

Женщина огляделась, словно искала скрытое условие.

Изольда поняла этот взгляд и оставила её одну.

В саду дышали белые розы. Роса поднималась над ними маленькими светлыми нитями. За морем, куда ушло письмо Элианы, начиналась другая ночь. Здесь же приближался рассвет, и над галереей уже натягивали тёмный парус.

Изольда возвращалась в дом, когда услышала детский смех. Она остановилась, прислушалась и улыбнулась.

Вечером накрывали на одиннадцать.

Трое опоздали, один попросил подать ужин к себе, ещё двое пришли без приглашения. Пришлось принести стулья из соседней комнаты.

Никто не исчез.

КОНЕЦ